

Владимир Калиновский, Екатерина Самыловская

Во главе российского славянского движения*

Vladimir Kalinovskiy

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia),

Ekaterina Samylovskaya

(Saint Petersburg Mining University, Russia)

At the head of the Russian Slavic movement

DOI: 10.31857/S0869568722030153, EDN: FXLGCM

Роль Православной Российской Церкви и отдельных её представителей в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. до недавнего времени оставалась практически неизученной. Теперь этот пробел в значительной мере восполнен благодаря монографии Л.В. Мельниковой, систематически осветившей патриотическую деятельность духовенства в 1812 и 1853–1856 гг.¹ По словам исследовательницы, «Церковь в той или иной форме принимала активное участие во всех проводимых государством военных столкновениях, а церковные вопросы занимали важное место в ряду причин, вызвавших начало военных конфликтов». Вместе с тем именно «православная вера традиционно являлась основой национальных особенностей ратного служения» (с. 20), и церковная иерархия «практически вынуждена была давать моральную санкцию на такое страшное событие, как война». Как пишет Мельникова, «Церковь объясняла народу смысл, цели и характер войн, поддерживала в русском обществе чувство национального единства, нередко осознавая и позиционируя военные конфлик-

ты как религиозно-цивилизационное противостояние православной России и иноконфессиональных государств» (с. 34). Так, «ярко выраженную духовно-религиозную составляющую» имело противоборство 1812 г. И тогда Церковь указывала на «освободительный, священный характер войны и проводила мысль, что России Богом предназначено остановить кровавый путь Наполеона, спасти от него Россию и освободить Европу» (с. 34). Не менее острым «религиозно-цивилизационным противостоянием России и Западной Европы стала и Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., начавшаяся из-за спора о святых местах Палестины» (с. 34–35). Поэтому «неудивительно, что и Русско-турецкая война 1877–1878 гг., вызванная новым обострением Восточного вопроса, была воспринята Русской Церковью и российским обществом как священная борьба за освобождение славян Балканского полуострова от турецкого исламского ига» (с. 35).

Корни её исследовательница ищет в последствиях «неудачной для России Крымской войны 1853–1856 гг.».

* Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воевода; Кучково поле, 2020. 397 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783–1920 гг.)», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

С конца 1850-х гг., когда империя «искала пути для восстановления своих позиций на Балканах и Ближнем Востоке», её дипломаты столкнулись с настойчивым стремлением болгарских архиереев Константинопольского патриархата добиться автокефалии. Это ставило представителей России в крайне двусмысленное положение. В основу её традиционной политики «были положены опора на Константинопольский патриархат и принцип единства православия на Востоке». Но последовательное её проведение не только неминуемо оттолкнуло бы болгар от Петербурга, но и способствовало бы распространению среди них униатства и активизации католических миссионеров. И во всяком случае «дальнейшее развитие греко-болгарской распри и возможное разделение Церкви привели бы к ослаблению не только двух православных народов, проживавших в исламском государстве, но и к снижению влияния России в регионе» (с. 41–44).

При этом «как российский МИД, так и обе противоборствующие стороны» пытались найти опору в Святейшем Синоде. Однако его члены, не исключая и наиболее влиятельного из них — митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), высказывались предельно осторожно и уклончиво, опасаясь «охлаждения отношений» с Фанаром и призывая оппонентов к сближению и компромиссу (с. 46–49). Святитель Филарет надеялся, что удастся ограничиться, по его выражению, «разделением без разрыва» (созданием Болгарской митрополии, глава которой назначался бы константинопольским патриархом), но на Балканах это никого не устраивало. В 1870 г., не сумев договориться с греками, болгары по рекомендации русского посла Н.П. Игнатьева получили фирман об учреждении Болгар-

ского экзархата от султана. Патриарх Григорий VI готов был вынести рассмотрение данной проблемы на Вселенский собор, но в Петербурге его признали сугубо внутренним делом одной из поместных церквей. Когда же Константинопольский собор 1872 г., на который съехались все патриархи, объявил о схизме и отлучил экзарха от Церкви, в Святейшем Синоде, со свойственной ему осторожностью, предпочли отмолчаться. И всё же избежать осложнений не удалось. В Иерусалиме низложили Кирилла II, отказавшегося подписать соборное постановление. В Антиохии, наоборот, Синод признал подпись своего патриарха выражением его личного мнения и не стал сообщать верующим о новом расколе. Со своей стороны, Александр II, недовольный случившимся, наложил секвестр на имения патриарших монастырей в Бессарабии. Вскоре обострились трения между русскими и греческими насельниками на Афоне...

Опираясь на широкий круг публикаций и документы АВПРИ, Мельникова прослеживает действия церковной и светской дипломатии, анализирует взгляды иерархов и публицистов (с. 36–68). «Движение болгарского народа за национальную автокефальную Церковь (выход из Константинопольского патриархата)» исследовательница считает, «по сути, началом борьбы за политическое освобождение Болгарии» (с. 36). Характерно, однако, что на этом этапе турки при сочувствии русских «освобождали» болгар от греков. Вместе с тем «развитие греко-болгарской церковной распри вызвало в российском обществе рост панславистских настроений, пик которых пришёлся на время Восточного кризиса середины 1870-х гг. и стал одной из причин, в значительной степени повлиявших на решение российского императора

Александра II объявить войну Османской империи» (с. 36–37).

К «славянскому движению», охватившему Россию с осени 1875 г. и нараставшему до конца 1876 г., духовенство отнеслось с явным энтузиазмом. Как показано в третьей главе книги, в храмах собирались пожертвования для «потерпевших от восстания» герцеговинцев, а затем и болгар, произносились вдохновенные проповеди и зачитывались эмоциональные воззвания сербского и черногорского митрополитов, служились молебны и панихиды. «Церковный вестник» — официальный печатный орган Святейшего Синода — подробно освещал работу славянских комитетов в Москве и Петербурге (с. 71–93). Архиепископ Донской и Новочеркасский Платон (Городецкий) и вообще лично возглавил местный отдел Славянского комитета, отправивший с 5 сентября по 12 октября 1876 г. на Балканы пять партий добровольцев (всего 299 человек) (с. 87). «Русское общество и Церковь, — пишет Мельникова, — самостоятельно и очень активно поддерживали национально-освободительную борьбу южнославянских народов, что порой вызывало недовольство государственной власти, но при этом оказывало на неё довольно сильное давление» (с. 93). В октябре 1876 г. казанскому архиепископу Антонию (Амфитеатрову) по просьбе губернатора даже пришлось запретить священникам собирать деньги для славян «вне церкви» и рассуждать с крестьянами о происходившем в Турции «на базарах, площадях, улицах и тому подобных местах», поскольку это вызывало раздражение и угрозы со стороны мусульман (с. 92).

Объявление войны 12 апреля 1877 г. пастыри встретили с ликованием. Архиереи в России и Молдавии приветствовали и благословляли царя и его войско (с. 101–105). Кон-

стантинопольский патриарх и новый болгарский экзарх (сменивший своего предшественника, низложенного 17 апреля) призывали свою паству усердно молиться о победе султана (с. 120–124). В книге Мельниковой подробно раскрыто освещение борьбы на Балканах в церковной печати, описан самоотверженный труд сестёр милосердия и Общества попечения о раненых и больных воинах (Красного Креста) (с. 126–167), говорится об организации благотворительности в монастырях (с. 168–192) и об испытаниях, выпавших на долю русских иноков на Афоне, оставленных в своей обители лишь благодаря заступничеству патриарха Иоакима II (с. 193–198). Особое внимание уделено положению военного духовенства (с. 200–211), тяжёлым условиям его служения во время кампании и отражению походной жизни в записках полковых священников (с. 212–253). Отдельные разделы посвящены краткому подведению итогов войны (с. 267–276) и увековечиванию её событий в церковных памятниках — часовнях и храмах (с. 276–303). Своёобразным результатом освобождения Болгарии стало и разъяснение Святейшим Синодом своего отношения к греко-болгарскому расколу. Патриарх Иоаким III под влиянием своего окружения неоднократно жаловался кн. А.Б. Лобанову-Ростовскому, с весны 1878 г. представлявшему Россию в Константинополе, на сослужение русских иереев со схизматиками. В ответ на это Святейший Синод направил ему в 1879 г. послание, проект которого был составлен архиепископом Макарием (Булгаковым), близким к обер-прокурору гр. Д.А. Толстому. В нём впервые официально заявлялось о том, что в Петербурге считают решения собора 1872 г. принятыми неканонически и не имеющими обязательной силы. Тем не менее демон-

стративного сослужения с иерархами экзархата в России по-прежнему избегали (даже во время посещения ими Москвы и Петербурга) (с. 254–265).

Труд Л.В. Мельниковой вносит значительный вклад в отечественную историографию и, несомненно, привлечёт внимание исследователей церковной, военной и социальной истории пореформенной России.

Примечание

¹ Мельникова Л.В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. Эти работы легли в основу докторской диссертации, защищённой в 2020 г. в Учёном совете при Институте российской истории РАН: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке. Дис ... д-ра ист. наук. М., 2020.